

RU

«Еда» как особая концептосфера в русской детской поэзии периода Великой Отечественной войны

Октябрьская О. С.

Аннотация. Целью исследования становится выявление своеобразия и особенностей реализации концептосферы «еда» в русской детской поэзии о войне. Научная новизна статьи обусловлена неразработанностью данной проблемы в современном литературоведении и важностью реализации концептосферы «еда» в русской детской поэзии периода Великой Отечественной войны, в выявлении своеобразия национального самосознания русского народа, осмысления великого подвига народа в целом и конкретного человека в частности. Полученные результаты показали значимость заявленной проблемы, которая объединила архетипические образы-символы с бытовыми явлениями, трагические обстоятельства эпохи – с обыденностью ряда ситуаций, вечные ценности в их конкретной реализации в выстраивании целостной картины мира.

EN

“Food” as Special Concept Sphere in the Russian Children’s Poetry of the Great Patriotic War Period

Oktyabrskaya O. S.

Abstract. The study aims to identify unique nature and features of realisation of the concept sphere “food” in the Russian children’s poetry about the war. Scientific novelty of the article is accounted for by the lack of consideration of this issue in modern literary criticism and importance of realising the concept sphere “food” in the Russian children’s poetry of the Great Patriotic War period, identification of unique nature of the Russian people’s national identity, comprehension of the great feat of the people as a whole and of a single individual in particular. The attained results have shown significance of the stated issue, which combined archetypal images-symbols with everyday phenomena, tragic circumstances of the era with ordinariness of a number of situations, timeless values in their particular realisation in constructing a comprehensive view of the world.

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения военной темы в гастрономическом аспекте современным литературоведением, которое в последнее время поворачивается к изучению и решению проблем нравственных, гуманистических и этических. Задачами исследования становятся: во-первых, выявление ключевых концептов заданной проблемы, которые реализуются в особом тыловом локусе; во-вторых, анализ особой связи заявленной концептосферы со знаковыми образами-символами, наполняющимися дополнительными смыслами; в-третьих, определение особенностей образной системы стихотворений о войне и т.д.; в-четвёртых, раскрытие основных средств конкретизации и индивидуализации архетипических образов.

Для осмысления своеобразия концептосферы «еда», воплощенной в произведениях для детей периода Великой Отечественной войны, в статье применяются следующие методы исследования: сопоставительный, герменевтический и метод контент-анализа. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое описание реализации концептосферы «еда» в детской поэзии периода войны.

Теоретической базой статьи становятся работы современных исследователей, которые обращаются к данной проблематике. Так, Н. С. Марушкина определяет феномен еды «как важнейшую часть культурно-бытового уклада жизни человека» [4, с. 3]. О. Г. Савельева актуализирует «исследование феномена еды как отдельной, самостоятельной культурной области бытия, без которой невозможно само существование человека; выявление и идентификация соответствующих когнитивно-смысловых компонентов, формирующих концепт “еда”, участвующих в создании ценностного и информационного пространства художественного текста и языковой

картины мира» [8, с. 3-4]. В диссертации И. К. Мироновой «представлена попытка реконструкции фрагмента русской концептуальной системы – когнитивно-пропозициональных структур... аккумулирующих знания о ситуациях еды, присутствующих в сознании русского человека» [6, с. 4].

Практическая значимость статьи заключается в возможности использования данного материала в лекционных курсах и практических занятиях по русской литературе XX века, специальных курсах по детской литературе, а также в работе воспитателей школьных и дошкольных учреждений, родительском опыте.

Постановка проблемы

Концептосфера «еда» – весьма богатый для анализа материал, к сожалению, еще малоисследованный. Особую роль этот феномен играет в литературе для подрастающего поколения. В детской литературе упоминание пищи, еды несколько скорректировано. Это и погружение в субкультуру детства, и актуализация особого детского рациона, и привязанность ребёнка к конкретным вкусовым и поведенческим навыкам, и формирование и воспитание определённых кулинарных пристрастий.

Однако период войны существенно меняет данную проблематику в литературе в целом.

В детской литературе субстанции такого рода тоже выходят на первый план. Еда, отношение к ней становятся своеобразным символом отношения к жизни. А сама жизнь солдата на фронте или его семьи в тылу напрямую зависит от того, сыт человек или голоден. Такие темы постепенно перестают быть периферийными и выходят на первый план. Упоминание еды или отдельных продуктов в русской литературе не смыслообразующий фактор, но характеристичный для отдельных явлений, тем и образов.

Особым образом реализуется концепт еды в поэзии периода Великой Отечественной войны для детей, которая выдвигает эту тему в ряд приоритетных.

Хронотоп концептосферы «еда» в поэзии для детей о войне, основные образы-символы

Прежде всего данный концепт в детской поэзии связан не с фронтовым, как во взрослой, а с тыловым локусом. Пространственные координаты существенно не меняются по сравнению с довоенными – лес, сад, двор, дом и т.д. Характерно, что практически нет городского пространства за исключением одного – пространства завода или ремесленного училища, где герои работают или учатся. Однако все же основным будет пригородный, деревенский, природный локус. В этом просматривается не только существенная реалистическая направленность многих произведений, но и традиция фольклора и русской классической литературы, к которой достаточно активно поворачивалась вся литература, включая детскую, периода войны. Через призму природного космоса легче выйти на эсхатологическую и онтологическую проблематику.

В связи с этим особую связь с концептом еды обретают знаковые образы-символы, наполняющиеся дополнительными смыслами – изба, печь, фруктовый сад и т.д. Поэты сопоставляют и противопоставляют довоенное и военное время, показывая или разорение родного края немцами, или угнетающую обстановку деревенской жизни военного времени и т.д. Так, к примеру, воспоминание о родной земле не даёт покоя юной крымчанке, чей край захвачен врагом, а она сама пребывает в эвакуации. Упоминание крымских яблонь, приснившихся вместе с морем героине стихотворения А. Барто «Сон» [1, с. 248], выводит сразу на несколько планов: эстетический (девочка вспоминает цветение яблонь или красивый урожай), философский (героине дорого все, что связано с малой родиной и детством), исторический (мирная жизнь воспринимается в ретроспективном плане, границей прошлого и настоящего выступает начало Великой Отечественной войны, разрушившее прошлое). Яблоневый сад ассоциируется уже не столько с пищей, сколько становится и прекрасным воспоминанием, и целью современной жизни, и красивым идеалом.

Лес и луг – традиционные для фольклора и русской классической поэзии топосы – тоже меняются в изображении поэтов военного поколения. Это уже не столько места игр, сколько общепольного труда – сбора грибов, ягод и полезных трав. Здесь уже эстетическое, мистическое уступает рационально-логическому. Герои не просто собирают ягоды и варят из них варенье, а собирают целебные травы для раненых, упаковывают посылку на фронт. Абстракция наполняется конкретикой. Неизвестному бойцу, сражающемуся с врагом, собрана увесистая пионерская посылка, которая состоит из «земляничного варенья своего приготовления», «банки каши со свиной» и своеобразной награды даже за небольшую победу – «И в надежной упаковке, // Чтобы выпить в добрый час, // Две московских поллитровки» [7, с. 138]. Вкусное лакомство, традиционно связанное в детском представлении с наградой за хороший поступок, скорректировано маленькими героями с учётом момента и адресата. Сходную тему поднимает и Барто в стихотворении «Лимон», только в качестве дорогого подарка выступает не собранный в лесу урожай, а заботливо выращенный в городской квартире своими руками экзотический плод.

Ключевые концепты

Концептуальной доминантой в лирике 1940-х гг. для детей становится лексема «хлеб», которая воспринимается на самых разных уровнях: мифологическом, философском, эстетическом и реалистическом. К примеру,

данное явление на мифологическом уровне обретает признаки сакральности, магической обрядовости. Так, поэты заимствуют из фольклора и наделяют символическим значением лепёшку-подорожник. Сам символ лепешки-подорожника, испечённый близким человеком, наделен охранными и защитными функциями. Именно с этим атрибутом отправляется в путь фольклорный персонаж на поиски чего-то, что недостаёт в данный момент ему или его близкому. Герой поэзии военных лет отправляется либо на фронт, защищать Родину, либо учиться рабочему ремеслу, что тоже, в конечном итоге, способствует победе над врагом. Героиня стихотворения Е. Благиной «Две матери» вручает сыну, уходящему на фронт, такую лепёшку-подорожник:

«Она ему лепешек намесила
И испекла.
Не плакала при нем, не голосила,
Тверда была.
Она его в уста поцеловала:
– Иди, мой сын!
Враги не ждут, врагов кругом немало,
Иди, мой сын!» [3, с. 103].

Строгая любовь матери влияет на его проводы и сосредотачивает на главном – сражаться с врагом. Мать-Отчизна просит о защите. Она готова обеспечить солдату прочный тыл, который символически обозначен словом «жито», и благословить на солдатский подвиг. Она отдаёт своему сыну самое важное взамен сыновнего долга:

«Вторая мать к ногам склонила жито,
Взвила ветра:
– Дорога, сын, перед тобой открыта,
Иди, пора!
Я на тебя горячим солнцем брызну,
Звезду пролью.
Оберегай меня – свою отчизну,
Страну свою!» [Там же, с. 103-104].

Непростой путь на завод героя-подростка стихотворения А. Барто «Новичок» скрашивает возможность съесть по дороге материнскую лепешку. Именно лепешка оказывается связью с домом, с матерью и детством, а также своеобразным пропуском во взрослую жизнь. Автор не забывает, что герой её стихотворения – ребёнок, поэтому иногда позволяет себе лёгкую иронию в его адрес, которая неизбежна в случае быстрого овзреления персонажа: герой прихватывает с собой еще и дедушкин мундштук – «А вдруг курить начну?» [1, с. 253]. Ситуация, которая вызвала бы резкое неприятие у детского поэта в мирное время, в данном случае поддержана им. Однако именно эти детали характеризуют не только героя, его поведение, но и новый статус. Молодой парнишка, который «решил... стать учеником» [Там же], то есть рабочим человеком в трудное военное время, оказывается центром внимания семьи. Из ребёнка он превращается в добытчика и главу, так как его отец воюет на фронте. Хлеб, лепешка, отношение к ним героя маркируют рост его авторитета и значимости в семье и подчёркивают самоидентификацию героя – в его поведении, поступках, всех его действиях появляется солидность и основательность.

Хлеб на мифологическом уровне обретает признаки сакральности, магической обрядовости. Так, поэты заимствуют из фольклора и наделяют символическим значением хлеб, который берет с собой в дорогу герой. Упоминание о таких лепешках, испечённых близким человеком, чаще всего матерью, наделенных охранными и защитными функциями, актуализируется в произведениях Благиной, Михалкова, Барто и др. Именно с этим атрибутом герой поэзии военных лет отправляется либо на фронт, защищать Родину, либо учиться рабочему ремеслу. Авторы показывают своеобразный обряд инициации, через который проходят герои их стихов, вступающие раньше времени не просто в новую реальность, но в военные будни. Лепешка символизирует тесную связь ребёнка с мирным прошлым, с детством, с суровым настоящим – домом, с матерью, которых надо защищать, а также становится своеобразным пропуском во взрослую жизнь. Шанежки, которыми встречает женщина-мать вернувшегося с войны или прибывшего на небольшую побывку мужа, сына или его посылника и друга, символизируют фольклорные сакральные хлеб-соль, означающие гостеприимство и радушие даже в нечеловеческих условиях (С. Михалков «Мать», А. Барто «Шурка»). Хлеб, лепешка, шанежка, отношение к ним героев маркируют персонажей: и хозяйку, которая готова отдать последнее только за возможность узнать о судьбе сына, и гостя, который становится дорогим даже для незнакомого человека, и героя-ребёнка, который воспринимает угощение как самое вкусное лакомство, и его младшую сестрёнку, воспользовавшуюся моментом и тоже приобщившуюся к дорогой трапезе. Ценность такой награды неизмеримо увеличивалась из-за того, что героиням удавалось в крайне сложные военные годы изыскать и время, и ресурсы для печения лепешек, шанежек, пирожков и т.д. Так, прибывший домой на выходные подросток Шурка – слесарь завода, переделавший всю мужскую работу в доме, награждён матерью:

«Мать хлопчет у стола,
К чаю шанежек дала» [Там же, с. 255].

Реакция младшей сестры указывает на скромный быт и рацион семьи, на столе которой даже простые шанежки бывают крайне редко:

«Я, конечно, не зевала –
Сразу две себе взяла» [Там же].

Дом, изба тоже меняют свое предназначение. Это уже не теплый и надёжный домашний очаг, символ мирной и беззаботной жизни, а место тяжелых раздумий, переживаний взрослого человека и тяжелого физического детского труда. Так, героиня стихотворения С. Михалкова «Мать» Хохлова Груша переживает о четырёх сыновьях, сражающихся в самых «горячих» точках войны: Ленинграде, Сталинграде, Одессе и Севастополе. Вместе с тем её окружает вполне привычная мирная сельская обстановка:

«Наседка квохчет, просят есть цыплята,
Стучит в стекло – не вырвется – пчела...
...Косили хлеб. Она снопы вязала
Без устали. Ей всё казалось мало!» [7, с. 124-125].

Поэт соединяет обыденность и драматизм изображения, относительно мирное изобилие – картошка, хлеб, лепешки и т.д. – и голод блокадного Ленинграда, страх маленьких переселенцев в единое трагическое целое, воспринятое через эмоции и чувства матери не только четверых сыновей, но и кормилицы семьи беженцев:

«И стали жить. И снова, как бывало,
Она пелёнки детские стирала,
Опять повисла люлька на крюке...
...В большой России, в маленьком селенье,
За сотни вёрст от фронта, в отдаленье,
Но ближе многих, может быть, к войне,
Седая мать по-своему воюет,
И по ночам о сыновьях тоскует,
И молится за них наедине» [Там же, с. 129-130].

Герой-ребёнок, его поступки и результат деятельности становятся самым частотным объектом поэтического осмысления. Поэты, правдиво воплощающие жизнь обыкновенной семьи, резко смещают акценты изображения. Взрослый (чаще всего это женщина-мать) порой меняется местами с мужем или героем-ребёнком, так как либо парализован страхом за близких, сражающихся на фронте, либо сам встаёт к станку или тяжело работает на колхозном поле, поэтому делегирует свои основные обязанности – приготовление пищи, уход за младшими детьми, уборку дома и т.д. – подрастающему поколению, за счет чего меняется угол изображения.

Отброшено все наносное и временное, поэты актуализируют три главных продукта, известных еще с библейских времен, – молоко, вода, хлеб.

Молоко – наименее часто встречающийся в поэзии для детей военной поры продукт питания, однако более иных он наполняется особой символикой. Молоко – традиционная детская пища, и именно с ребёнком она ассоциирована.

Тем драматичнее предстаёт ситуация, когда эта пища, предназначенная для детей и стариков, становится наряду с хлебом и яйцами самой доступной добычей взрослых, сильных и наглых солдат вермахта, которые врываются в советские селенья и разоряют их. В. Берестов в стихотворении «Серые и чёрные. Рассказ очевидца» показывает, как простые и понятные слова становятся знаковыми символами беды, разорения и страха. Правда, «серые» немцы, требующие «Брот!», «Млеко!» [2, с. 199] и «подмётшие» [Там же] всю деревню, считают себя гуманистами и сопоставляют себя с более агрессивными и жестокими «чёрными», готовыми сжечь дотла все вокруг.

Инстинктивно чувствует беду и необычный герой стихотворения А. Твардовского «Со слов старушки» – деревенский петух, который борется за жизнь даже под пулями, не желая стать пищей для немцев:

«Не давали покоя они петуху,
Ловят по двору, бегают, слышу,
И загнали куда-то его под стреху.
И стреляли в беднягу сквозь крышу» [9, с. 53].

Хитроумие петуха, затаившего дух («но как видно, и он не дурак был, петух, помирать-то живому не сладко...» [Там же]), спасает не только его, но и свидетельствует о победе над смертью. Такого рода победа показана и в стихотворении Маршака «Мать», в котором автор обращается к архетипическому образу кормящей матери, кормилицы и заботницы, воплотившей библейские черты. Женщина знает об обреченности на смерть не только своей, но и своего младенца, но продолжает его кормить грудью. Лик этой героини строг и суров – она, скорее, судья преступников, чем кормящая мать:

«Безмолвен был последний путь.
Но вот в одном ряду
Отстала женщина – и грудь
Достала на ходу.

Кормила мать в последний раз
Ребенка своего,
Не отрывая хмурых глаз
От личика его» [5, с. 100].

Образ матери, кормящей младенца, и образ ребёнка, принимающего последний раз пищу перед гибелью, оказываются связаны с богородичным мотивом.

Особую нагрузку обретают праздничные блюда. Так, повариха детского сада печёт завитушки на новогодний праздник. И эти завитушки символизируют не только рождественский хлеб, новогодние сладости и воспоминание о мирном и далёком прошлом, но и надежду на будущее. Именно поэтому Благинина в стихотворении «Ёлка» подбирает особый антураж – тишина и тепло помогают забыть драматизм момента и ожидать чуда, которое, не теряя своего волшебства, остаётся предсказуемым – это победа:

«В тёплой кухне тихо-тихо,
Кошка дремлет в уголке.
Тесто месит повариха,
Руки добрые в муке.
Лепят ласковые пальцы
Завитушки на столе» [3, с. 114].

Хлеб, зерно являются результатом тяжелого труда на земле, а его результат обретает не только самоценность, но и дополнительную символическую нагрузку – это не просто пища человека или результат его труда, а важный символ свободы, самобытности и самостоятельности Родины. Если для взрослых символом такого рода стали «русская речь», «великое русское слово», которые должны остаться свободными и чистыми, то в детской поэзии, тяготеющей более к конкретике, а не абстракции, таким символом становится именно хлеб. Тем драматичнее становится образ хлебного колоса, приклеенного кровью к броне танка:

«Немецких танков чёрные ряды,
К чужой броне в крови прилипший колос...» [7, с. 125],

который соединяет воедино жизнь, наслаждение ею (колос) и смерть (танк), которая становится частью священной кровавой жертвы за будущее.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Еда в поэзии периода Великой Отечественной войны для детей становится весьма многогранным и многоаспектным символом, который актуализируется в поэзии на самых разных уровнях: мифопоэтическом, символическом, реалистическом.

Ключевыми концептами заявленной проблемы становятся хлеб, молоко, яйца, сладости и т.д., которые воплощают самые разные смысловые константы.

Выявленные концепты реализуются в особом тыловом локусе – лес, сад, двор, дом, завод/цех и т.д.

Знаковыми образами-символами, наполняющимися дополнительными смыслами, становятся в поэзии периода Великой Отечественной войны для детей изба, печь, фруктовый сад и т.д.

Основными средствами конкретизации и индивидуализации архетипических образов отца, матери, ребёнка становятся оригинальная предметная, портретная, бытовая деталь, яркая характерология и реалистическая основа.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении круга и проблем, связанных с концептом еды, и авторов, обращающихся к данной теме, а также в дальнейшей детализации выявленных задач.

Список источников

1. Барто А. Л. Избранные стихи. М.: Планета детства, 1999. 560 с.
2. Берестов В. Д. Любимые стихи. М.: АСТ-ПРЕСС, 1997. 288 с.
3. Благинина Е. А. Любимые стихи. М.: АСТ-ПРЕСС, 1997. 256 с.
4. Марушкина Н. С. Концепт «еда» в контексте диалога культур: дисс. ... к. культ. Иваново, 2014. 166 с.
5. Маршак С. Я. Мать // Стихи и песни о войне. М.: АСТ, 2020. 254 с.
6. Миронова И. К. Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-позициональные структуры и их лексические репрезентации: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2002. 19 с.
7. Михалков С. В. Стихи. Сказки. Басни. М.: Олимп; АСТ, 1998. 464 с.
8. Савельева О. Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: на материале русского и английского языков: автореф. дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2006. 26 с.
9. Твардовский А. Т. Со слов старушки // Маршак С., Михалков С., Барто А. и др. Пусть всегда будет солнце... Стихи и рассказы о войне и Победе. М.: АСТ, 2019.

Информация об авторах | Author information

RU

Октябрьская Ольга Святославовна¹, д. филол. н.

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

EN

Oktyabrskaya Olga Svyatoslavovna¹, Dr

¹ Lomonosov Moscow State University

¹ svyatolga@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 27.02.2021; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): военная поэзия; детская литература; национальное самосознание; семейные ценности; богородичный мотив; war poetry; children's literature; national identity; family values; Theotokos motif.